

РУКИ СОЛИСТА

ЭТО НЕ УКЛАДЫВАЛОСЬ В МОЗГУ. Нужно было во что бы то ни стало поразмышлять, остаться наедине с собой. Человек высокого роста размашисто шагал по Арбату. Его наградили орденом и он недоумевал. Он знал, что орден «Знак Почета» получают учителя, колхозники, академики, настоящие артисты, наконец.

Да хотя бы ему токарю-универсалу дали этот орден и сказали: «Вот тебе, товарищ Бувакин, за твои золотые руки», он бы только посмотрел на свои широкие мозолистые руки, усмехнулся и не удивился. Но его наградили за песни. Песни, которые он любил всей душой, однако, профессиональным певцом никогда не был. Это необыкновенно. И, может быть, он совсем не увидел сцены, если б не бойкая соседская девчонка, бросившая много лет назад нескладному долговязому ремесленнику: «Что толку-то так глотку драть? Пошли лучше к нам в клуб на спевку». А в клубе аккуратный седой старичок, руководитель хора, вежливо попросил: «Для начала спойте нам что-нибудь, молодой человек». Молодой человек облизнул пересохшие губы, набрал в легкие побольше воздуха и равкнул:

— Жил отважный капитан...

Матчишки потом бегали за ним по улицам и дразнили: «Эй, длинный, ну-ка: «Капитан-капитан, улыbnись».

А может быть, он связал свою жизнь с песней вовсе не из-за дев-

чонки-соседки. Сколько людей помогли ему поверить в себя, выжили его бас, заботились о его голосе, учили держаться на сцене! Председатель завкома сказал когда-то ему: «Хорошо поешь, Бувакин. Пошлим-ка мы тебя в вечернюю музыкальную школу». А строгая женщина-профессор, приглашенная заниматься с хористами специально из Москвы, выговаривала ему, как заботливая мамаша: «Ах, Саша, Саша, почему вы опять без кашне? Заболеете — простудите горло».

Странно, но почему-то здесь, в Москве, вспомнился судоверфенный завод в финском городе Турку. В цехе на наслах сколоченной сцене давала концерт наша делегация артистов художественной самодеятельности от ВЦСПС. Каждое выступление финские рабочие встречали очень тепло. Бувакин тоже пел. Повторял на «бис». После концерта, когда наши шли к выходу по пролету между токарными станками, он услышал фразу, вероятно, умышленно сказанную по-русски:

— Обман. Это не рабочие. Это артисты из Большого театра. Типичная красная пропаганда.

Бувакин оглянулся. Он не заметил, кто это сказал, но на него испытующе смотрели десятки спокой-

ных, нерусских глаз. И он стал к станку. Нет, он не выточил скоростным методом деталь, но по тому, как направил станок, как жадно обхватил истосковавшимися по работе пальцами холодящий синеватый металл, рабочие понимающе закивали. Молодой парень, с голубыми, как финские озера, глазами протянул Бувакину руку, и, ощутив на его руке мозоли, широко улыбнулся: «Наш, наш, рабочий, не артист».

Им трудно было совместить эти два, казалось бы, таких далеких понятия в одном лице. На чужбине особенно остро чувствуешь примелькавшееся у себя дома. У нас это обычное явление, о нем не думаешь, считаешь само самым разумным. Чуткие, умные люди не только поставили токарю голос. Они привили ему любовь к искусству, вселили чувство постоянной заботы о других, о тех, в ком видишь хоть искорку таланта, желание научить тому, что знаешь и умеешь сам.

В цехе Бувакин руководит хорошим кружком. И те же Вася Стрелков, Ваня Комков, Юрий Солодов — разве эти рабочие парни не отдают свое свободное время любимому занятию, не заставляют заслушивать их пением?..

Но все-таки он никак не привык-

нет к мысли, что его, солиста самодеятельного хора, наградили орденом. Поэтому он шагает сейчас один по вечерней столице и думает, думает, перебирает в памяти даты, события, лица.

...Это было шесть лет назад, во время декады башкирской литературы и искусства в Москве.

Александра Сергеевича Бувакина я услышала впервые в кинотеатре «Победа». Была обычная обстановка, какая бывает перед началом киносеанса в фойе. Люди ели мороженое, сосали карамель, негромко переговаривались. А на эстраде джаз нангрывал что-то веселое... Но вот конференсье объявил: «Чайковский «Благославляю вас, леса». Вышел очень высокий средних лет певец, с маленьким ртом и большими натруженными руками. Он не подошел к микрофону, не принял театральную позу, а просто начал петь.

— Вот так басок! — восторженно сказал мой сосед. Он даже оставил свое мороженое. Сзади тоже перестали чавкать. Чайковский и приятный сильный голос певца заво-рожили публику.

Недавно Александру Сергеевичу присвоили звание заслуженного артиста республики. Задание редакции привело меня к нему на квартиру.

Александр Сергеевич только что вернулся с работы, умылся и растерянно стоял с мохнатым полотенцем через плечо. В нашем распоряжении было крайне мало времени: Александр Сергеевич спешил на выездной концерт, потом еще предстояла репетиция во Дворце культуры имени Орджоникидзе, где он постоянно солирует.

— Понимаете, такая ответственность теперь ложится... Конечно, буду также работать над собой, также помогать, чем могу, другим, но спросто с меня в несколько раз больше. Я это понимаю.

Мы раскрыли обыкновенную конторскую папку, в которой собраны многочисленные грамоты, фотографии, дипломы, похвальные листы лучшего токаря завода и солиста, занимавшего в конкурсах художественной самодеятельности первые места. Мы листали грамоты в красных с золотом рамках и проходили весь его путь по вехам, все двадцать лет работы в хоровых кружках. Потом Александр Сергеевич показал альбом, в котором он делает копии с репродукций картин великих художников. У них он учится умению отдельными штрихами и красками передавать настроение. Правда, он старается это делать не кистью, а голосом.

— Знаете, — смеется Александр Сергеевич, — товарищи по работе просмотрели как-то мои картинки и сказали: «Ты уж, пожалуйста, пой, а не рисуй. Арии у тебя лучше по-

лучаются». Чудаки! Ведь рисунки — моя черновая работа над вокалом...

Об Александре Сергеевиче Бувакине, человеке, влюбленном в свой токарный станок и раздолбные русские песни, писать трудно. Видимо, потому, что сам факт — солист самодеятельности получил звание заслуженного артиста — необычен и требует большого осмысления. Мы являемся свидетелями нового явления, когда искусство становится собственным достоянием широких народных масс, а они в овладении им достигают высот профессионалов. Вероятно, эти единичные теперь явления станут обычным делом при коммунизме. Помнится, Чехов высказывал в своих записных книжках приблизительно такую мысль: когда он читает нравящуюся ему вещь, для него не важно, как писатель ел, играл в карты, пил. Он получает большое духовное наслаждение, и за это ему благодарен. Писать о Бувакине — значит, мысленно видеть перед собой то печального и смешного испанского идальго Дон-Кихота, то мужественно расстающегося с жизнью Ивана Сусанина, то роскошного варяжского гостя. Забывшись, что перед тобой рабочий, в руки которого навечно вьются металличе-ская пыль и машинное масло. Так это ли не искусство большого, будущего?

Л. ПЕРЦЕВА.